

Избранные произведения

Даниил Хармс

1 ПРАЗДНИК

На крыше одного дома сидели два чертежника и ели гречневую кашу.

Вдруг один из чертежников радостно вскрикнул и достал из кармана длинный носовой платок. Ему пришла в голову блестящая идея— завязать в кончик платка двадцатикопеечную монетку и швырнуть все это с крыши вниз на улицу, и посмотреть, что из этого получится.

Второй чертежник, быстро уловив идею первого, доел гречневую кашу, высморкался и, облизав себе пальцы, принялся наблюдать за первым чертежником.

Однако внимание обоих чертежников было отвлечено от опыта с платком и двадцатикопеечной монеткой. На крыше, где сидели оба чертежника, произошло событие, не могущее быть незамеченным.

Дворник Ибрагим приколачивал к трубе длинную палку с выцветшим флагом.

Чертежники спросили Ибрагима, что это значит, на что Ибрагим отвечал: «Это значит, что в городе праздник».

— А какой же праздник, Ибрагим?—спросили чертежники.

— А праздник такой, что наш любимый поэт сочинил новую поэму,— сказал Ибрагим.

И чертежники, устыженные своим незнанием, растворились в воздухе.

9 января 1935

2 Иван Яковлевич Бобов

Иван Яковлевич Бобов проснулся в самом приятном настроении духа. Он выглянул из-под одеяла и сразу увидел потолок. Потолок был украшен большим серым пятном с зеленоватыми краями. Если смотреть на пятно пристально, одним глазом, то пятно становится похоже на носорога, запряженного в тачку, хотя другие находили, что оно больше походит на трамвай, на котором верхом сидит великан,— а впрочем, в этом пятне можно было усмотреть очертания даже какого-то города. Иван Яковлевич посмотрел на потолок, но не в то место, где было пятно, а так, неизвестно куда; при этом он улыбнулся и сощурил глаза. Потом он вытаращил глаза и так высоко поднял брови, что лоб сложился, как гармошка, и чуть совсем не исчез,

если бы Иван Яковлевич не сощурил глаза опять, и вдруг, будто устыдившись чего-то, натянул одеяло себе на голову. Он сделал это так быстро, что из-под другого конца одеяла выставились голые ноги Ивана Яковлевича, и сейчас же на большой палец левой ноги села муха. Иван Яковлевич подвигал этим пальцем, и муха перелетела и села на пятку. Тогда Иван Яковлевич схватил одеяло обеими ногами, одной ногой он подцепил одеяло снизу, а другую ногу вывернул и прижал ею одеяло сверху, и таким образом стянул одеяло со своей головы.— Шиш,—сказал Иван Яковлевич и надул щеки. Обыкновенно, когда Ивану Яковлевичу что-нибудь удавалось или, наоборот, совсем не выходило, Иван Яковлевич всегда говорил «шиш»—разумеется, не громко и вовсе не для того, чтобы кто-нибудь это слышал, а так, про себя, самому себе. И вот, сказав «шиш», Иван Яковлевич сел на кровать и протянул руку к стулу, на котором лежали его брюки, рубашка и прочее белье. Брюки Иван Яковлевич любил носить полосатые. Но раз, действительно, нигде нельзя было достать полосатых брюк. Иван Яковлевич и в «Ленинградодежде» был, и в Универмаге, и в Гостином дворе, и на Петроградской стороне обошел все магазины. Даже куда-то на Охту съездил, но нигде полосатых брюк не нашел. А старые брюки Ивана Яковлевича износились уже настолько, что одеть их стало невозможно. Иван Яковлевич зашивал их несколько раз, но наконец и это перестало помогать. Иван Яковлевич обошел все магазины и, опять не найдя нигде полосатых брюк, решил наконец купить клетчатые. Но и клетчатых брюк нигде не оказалось. Тогда Иван Яковлевич решил купить себе серые брюки, но и серых нигде себе не нашел. Не нашлись нигде и черные брюки, годные на рост Ивана Яковлевича. Тогда Иван Яковлевич пошел покупать синие брюки, но, пока он искал черные, пропали всюду и синие и коричневые. И вот, наконец, Ивану Яковлевичу пришлось купить зеленые брюки с желтыми крапинками. В магазине Ивану Яковлевичу показалось, что брюки не очень уж яркого цвета и желтая крапинка вовсе не режет глаз. Но, придя домой, Иван Яковлевич обнаружил, что одна штанина и точно будто благородного оттенка, но зато другая просто бирюзовая, и желтая крапинка так и горит на ней. Иван Яковлевич попробовал вывернуть брюки на другую сторону, но там обе половины имели тяготение перейти в желтый цвет с зелеными горошинами и имели такой веселый вид, что, кажись, вынеси такие штаны на эстраду после сеанса кинематографа, и ничего больше не надо: публика полчасу будет смеяться. Два дня Иван Яковлевич не решался надеть новые брюки, но когда старые разодрались так, что издали можно было видеть, что и кальсоны Ивана Яковлевича требуют починки, пришлось надеть новые брюки. Первый раз в новых брюках Иван Яковлевич вышел очень осторожно. Выйдя из подъезда, он посмотрел раньше в обе стороны и, убедившись, что никого поблизости нет, вышел на улицу и быстро зашагал по направлению к своей службе. Первым повстречался яблочный торговец с большой корзиной на голове. Он ничего не сказал, увидя Ивана Яковлевича, и только, когда Иван Яковлевич прошел мимо, остановился, и так как корзина не позволила повернуть голову, то яблочный торговец повернулся весь сам и посмотрел вслед Ивану Яковлевичу,—

может быть, покачал бы головой, если бы опять-таки не все та же корзина. Иван Яковлевич бодро шел вперед, считая свою встречу с торговцем хорошим предзнаменованием. Он не видел маневра торговца и утешал себя, что брюки не так уж бросаются в глаза. Теперь навстречу Ивану Яковлевичу шел такой же служащий, как и он, с портфелем под мышкой. Служащий шел быстро, зря по сторонам не смотрел, а больше себе под ноги. Поравнявшись с Иваном Яковлевичем, служащий скользнул взглядом по брюкам Ивана Яковлевича и остановился. Иван Яковлевич остановился тоже. Служащий смотрел на Ивана Яковлевича, а Иван Яковлевич на служащего.

— Простите,—сказал служащий,— вы не можете сказать мне, как пройти в сторону этого... государственного... биржи?

— Это вам надо идти по мостовой... по мосту... нет, надо идти так, а потом так,—сказал Иван Яковлевич.

Служащий сказал спасибо и быстро ушел, а Иван Яковлевич сделал несколько шагов вперед, но, увидев, что теперь навстречу ему идет не служащий, а служащая, опустил голову и перебежал на другую сторону улицы. На службу Иван Яковлевич пришел с опозданием и очень злой. Сослуживцы Ивана Яковлевича, конечно, обратили внимание на зеленые брюки со штанинами разного оттенка, но, видно, догадались, что это—причина злости Ивана Яковлевича, и расспросами его не беспокоили. Две недели мучился Иван Яковлевич, ходя в зеленых брюках, пока один из его сослуживцев, Аполлон Максимович Шилов не предложил Ивану Яковлевичу купить полосатые брюки самого Аполлона Максимовича, будто бы не нужные Аполлону Максимовичу.

1934–1937